

КЛЮЧЕВЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Ненависть в диаде «мать – дочь»

Е. С. Зелинская

Зелинская Евгения Сергеевна – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт.

Известно, что, с точки зрения психоанализа, материнская функция играет главенствующую роль в становлении психического фундамента и развитии всей психической жизни человека. Однако, как нам кажется, именно в паре мать – дочь материнская функция приобретает свои особенные черты, отличающие материнско-дочернюю диаду от прочих генеалогических пар. Причина этому не только в единой половой принадлежности матери и дочери, но также в самом физиологическом аспекте вынашивания и родов, бессознательных проективных и идентификационных конфликтах, нарциссических злоупотреблениях со стороны матери, а также трудностях, связанных с процессом сепарации дочери и обретением ею собственной идентичности. К. Эльячефф говорит об «угнетенном чувстве самости дочери» (Эльячефф, 2008) только лишь потому, что у нее есть мать, выдвигая таким образом на первый план идентификационную проблематику, однако тут же отмечает, что именно этой проблематике уделяется не так много внимания даже в пространстве психоанализа. Дочери действительно оказываются в более уязвимом положении, чем сыновья, по отношению как к матери, так и отцу – несмотря на одинаковый пол, диада «отец – сын» изначально разделена материнским телом, и только «мать – единственная из трех сторон треугольника Эдипа, кто имеет плотскую связь как с отцом ребенка, так и с ребенком» (Грин, 2007).

Говоря об актуальности темы данной статьи, стоит также упомянуть социально-культурные факторы. В современном обществе можно наблюдать, как особая форма близости между матерью и дочерью становится идеалом материнско-дочерних отношений. «Мама – моя лучшая подружка», «От мамы у меня никаких секретов нет», – такие слова нередко можно слышать от молодых женщин, для которых близость с матерью – выражение их совместного личностного достижения, предмет гордости. Совместный шопинг, отпуска и фотосессии нередко

откровенного характера – явление не только нормальное, но и модное, однако будто бы не замечается обратная сторона этой материнско-дочерней близости: размывание границ между поколениями и инцестуозный аспект отношений. В обществе много внимания уделяется вопросу инцестных отношений между отцом и дочерью, а также более редким, но имеющим место быть случаям инцеста между матерью и сыном, однако почти никто не говорит об инцестуозных отношениях между матерью и дочерью. В то же время именно эта генологическая пара более других подвержена «платоническому инцесту» (Наури, 1999) – менее очевидной, но, вероятно, не менее пагубной форме инцеста между родителем и ребенком. Видоизменяется также роль третьего – отца, присутствие которого необходимо для адекватных отношений матери с ребенком любого пола, однако именно пара мать – дочь в большей степени подвержена смешению идентичностей при отсутствии разделяющего третьего. Нравственные и социокультуральные изменения в обществе, ослабление института брака, прогресс в области репродуктивных технологий приводят к тому, что женщина нередко не только одна воспитывает ребенка, но и зачинает его, вообще не имея сексуальных отношений (например, с помощью ЭКО). Все это дает почву для размышлений о материнских партеногенетических фантазиях и материнском всемогуществе, которое в диаде «мать – дочь» приобретает наиболее архаичные и деструктивные формы.

Не каждая женщина становится матерью, однако у каждой женщины есть или была мать. То, какая это была мать и какими были отношения с ней, накладывает отпечаток на всю будущую жизнь и идентичность женщины, обнажая массивные бессознательные процессы, связанные с инцестуозной, идентичнональной, сепарационной проблематикой, которая нередко осложняет путь женщины к обретению собственной идентичности, материнству, взрослой сексуальности.

В данной статье предпринята попытка осмысления материнско-дочерних отношений с точки зрения вышеозвученных конфликтов в связке с чувством ненависти, которое неизбежно их сопровождает.

Ключевые слова: амбивалентность, женское, идентичность, развитие женщины, мать и дочь, сепарация, инцестуозность, Ракамье, материнство, женская сексуальность, Жаклин Шаффер, зависть, ненависть, конфликт амбивалентности, симбиоз, нарциссическое соблазнение, нарциссический объект, фетиши, расщепление, отрицание, всемогущество, женское наслаждение, инцест, первичное горе.

Родь доэдипального периода младенца-девочки

В статье «Женское чувство вины» Шассге-Смиржель пишет о груди – щедрой, нежной, теплой, оплодотворяющей утробе, мягкой, полной изобилием, груди-Земле и груди-Матери (Шассге-Смиржель, 1964). И тут же ее слова сменяются другим описанием груди – фрустрирующей, захватывающей, вторгающейся, груди, несущей зло, болезни, смерть. Однако и то, и то – это грудь-Мать (там же). Перед нами перечисления характеристик

двух противоположных имаго матери. Однако независимо от того, будет ли это имаго опекающей, хорошей матери или ужасной, внедряющейся, бессознательно оно базируется на имаго всемогущей архаичной матери. «Я считаю, что в действительности ребенок даже самой лучшей и нежной из матерей, независимо от его пола, имеет в бессознательном внушающий ужас образ этой матери как результат проекции на него своей враждебности, обусловленной собственным бессилием», – пишет она, отмечая, что имаго хорошей опекающей матери никогда не перекрывает образа ужасающего всемогущества.

Этими словами Ж. Шассге-Смирбель будто бы настаивает на мысли о заранее известном, безотлагательном и чрезвычайно сложном психическом процессе, через который приходится проходить каждому младенцу, и этот путь пролегает через совладание со страхом всемогущей архаичной матери, образ которой усилен собственными враждебными проекциями младенца. Мы можем предположить, что ввиду идентичности пола этот процесс более труден для диады «мать – дочь» и для каждой участницы он труден по-своему. Ж. Андре пишет, что отношения между матерью и дочерью... носят отпечаток первосвязи, архаической «цивилизации», «убеленной годами» (Андре, 2017). От чего же зависит результат выхода из этой «архаичной цивилизации» и не станет ли отпечаток этой «первосвязи» выжженным психическим шрамом в бессознательном дочери?

Как сказала британский психоаналитик Д. Пайнз, материнство – это опыт трех поколений и отношения матери со своим ребенком нельзя рассматривать отдельно от отношений матери со своей собственной матерью (Пайнз, 1980). Вероятно, если пол ребенка отличен от материнского, трансгенерационная передача имеет меньшее значение, и именно ребенок-девочка становится в тотальной степени носительницей мощных нарциссических и идентификационных проекций своей матери.

Крайне важное значение имеет, насколько мать готова инвестировать свою дочь, и здесь мы можем вспомнить слова Ж. Шаффер о том, что мать не инвестирует одинаковым образом сына и дочь (Шаффер, 2020). Если ребенок-мальчик автоматически становится отличным от матери, гетеросексуальным объектом, то рождение дочери открывает путь к ранним бессознательным ретравматизациям матери в отношениях с ее собственной матерью. К тому же встает вопрос о том, кому и от кого (разумеется, в символическом представлении) женщина-мать рождает ребенка: своему мужу или своему отцу, а может быть, собственной матери? Если женщина, будучи девочкой, благополучно вышла из эдипова конфликта, отказавшись от инцестуозных притязаний на отца, она рождает ребенка от своего партнера (мужа). Если же она осталась фиксированной на любви к отцу, рожденный ею ребенок в ее бессознательном будет принадлежать ему. Но если имел место инвертированный Эдип или же если девочка вообще не дошла до эдипова конфликта в своем психосексуальном развитии, тогда ребенок бессознательно будет принадлежать ее матери.

Симбиоз и смешение идентичностей между матерью и дочерью понимается как защитный результат проективной и интроективной

идентификации. Как пишет Ж. Андре в статье «L'Empire du même», эти фантазии, являющиеся частью нормального развития, чаще всего активируются при угрозе разлуки и потери объекта. Так, когда ребенок-девочка вынуждена сменить объект с материнского на отцовский, это реактивирует в матери ее собственное чувство утраты, пробуждая в ней анаклитическую тревогу и способствуя еще большей путанице идентичностей (André, 2003). Можно полагать, что анаклитические тревоги покинутости в психическом матери часто пронизаны более ранними защитными механизмами: отрицанием, идеализацией, расщеплением, и это еще больше приводит нас к необходимости размышлять о ее первичной связи с собственной матерью. Таким образом, отношения матери с ее собственной матерью во многом будут определять характер ее отношений с собственной дочерью. Кроме бессознательных проекций матери на дочь, исходящих из ее отношений с собственной матерью, важно отметить и другие материнские страхи и конфликты, упоминаемые, например, Ж. Шаффер: страх так называемого фантазма женской кастрации, страх инцеста и женского наслаждения (Шаффер, 2012). К этим архаичным материнским тревогам мы вернемся позднее.

Как мы знаем, зависть к пенису – это знак, под который З. Фрейд помещал всю женскую психосексуальность. И несмотря на то что этот постулат является предметом споров многие десятилетия, мы не можем отвергать как сознательное, так и бессознательное разочарование матери, производящей на свет дочь. Рождение девочки может пробуждать вытесненные в бессознательное ее собственные фантазмы, связанные с неспособностью иметь пенис (быть мужчиной), либо быть и тем и другим (и мужчиной, и женщиной), ведь, как говорила Дж. Макдугалл, однополость – одна из главных нарциссических ран человека (Макдугалл, 1995).

Страх инцеста и женского наслаждения – архаичные бессознательные страхи женщины, которые активизируются, когда она становится матерью и возвращается в своих фантазмах к бессознательному симбиотическому слиянию со своей собственной матерью и женскому инфантильному эротизму. К. Скюре в статье «Et si c'est une fille?» пишет, что первичная связь матери и дочери остается спящей, затемненной Эдипом, замаскированным латентным периодом юности, до того момента, пока не наступят роды женщины – именно тогда вновь возродятся инстинктивные импульсы (Squires, 2003). Беременность женщины становится ключевым моментом, помогающим постичь эволюцию связи между матерью и дочерью, которая сама становится матерью. И если у женщины рождается девочка, это еще больше сближает ее с собственной матерью. Эта доэдипальная привязанность, богатая фантазиями и сохраняющаяся на протяжении всей жизни, описана З. Фрейдом в труде «Женская сексуальность» (1931). Эта связь влияет на развитие женской сексуальности и женского наслаждения как «тень, едва способная выжить, практически не поддающаяся анализу».

Страх инцеста возвращает женщину к бессознательным тревогам быть поглощенной собственной матерью. Страх женского наслаждения, напротив, может актуализировать тревогу пассивизации и способности

принимать в себя большое количество либидинального возбуждения (концепция Ж. Шаффер). В любом случае, эти архаичные страхи и тревоги продиктованы бессознательными следами и оттисками отношений женщины со своим первичным объектом.

Аспект инцестуозности в диаде «мать – дочь»

Говоря об инцестуозности в отношениях матери и ребенка, А. Наури отмечает, что это «малоизученная, но очень нежная и волнующая тема» (Наури, 1999). Действительно, как можно практически посягать на святое, уподобляя связь матери с собственным ребенком с инцестом, пусть и платоническим? Однако, как отмечает А. Грин, потенциальный инцест с матерью для детей обоих полов является обязательным пассажем, которого невозможно избежать (Грин, 2007). Он пишет, что инцестуозные желания ребенка сильно подкрепляются матерью, влюбленной в своего ребенка, однако это измерение обоюдной инцестуозной связи остается недооцененным (Грин, 2007). Кроме того, в треугольной позиции Эдипа мать – отец – ребенок мать – единственная, кто имеет телесную связь с обоими участниками, в то время как отец и ребенок связаны друг с другом лишь опосредованно и опять же – через мать. Сам факт телесной связи между ребенком и выносившей его матерью априори подтверждает инцестуозное отношение, которого лишены в данном контексте отношения ребенка с отцом.

Несмотря на негативную коннотацию понятий «инцест» и «инцестуозность», инцестуозность диады «ребенок – мать» заключается в самой их сути, неважно, какого пола ребенок. Начало этой инцестуозной связи проистекает из внутриутробной жизни: физиологический симбиоз между плодом и матерью во время беременности – естественный процесс. Первая сепарация происходит во время рождения ребенка: он покидает материнское тело, происходит запуск пищеварительной и дыхательной функций. Но в статье «L'Empire du même» Ж. Андре задает вопрос: откуда взяться уверенности в том, что акт рождения и правда разделит мать и дочь, что история возможна и новая жизнь не станет простым воспроизведением? (André, 2003.) И другой вопрос, который мы обязаны задать: где в случае матери и дочери проходит граница между инцестом и симбиозом? Инцест относится к аспекту сексуальности, а симбиоз – к способу отношений с объектом, но эти два понятия очень пересекаются, когда дело касается отношений ребенок – мать и особенно когда речь идет о диаде «мать – дочь». Нормальная чувственная связь, «материнское безумие» (А. Грин), которое охватывает мать к ребенку любого пола, – естественное состояние, вписывающееся в нормальную физиологическую ситуацию, однако в отношениях мать – дочь эта связь приобретает особое значение. Как отмечает А. Грин, мать и дочь находятся в зеркальной нарциссической связи, в которой подобная говорит с подобной (Грин, 2017). Когда ребенок женского пола, матери легче идентифицировать себя и создать взаимную, иллюзорную и паразитическую бессознательную связь с дочерью.

Таким образом, анатомический фактор, а именно одинаковость гениталий матери и дочери, становится важнейшим и, пожалуй, первоочередным фактором инцестуозной связи в этой диаде. Половая принадлежность младенца-мальчика, его пенис устанавливают границу между ним и его матерью сразу после рождения, а возможно, и до рождения, по факту обнаружения пола на УЗИ. Но с девочкой все иначе: подобное воспроизводит подобное, как выражается Ф. Эриксон, «аккумулируя идентичное», рискуя низвести таинство рождения к простому воспроизведению, партеногенезу. Поскольку гениталии дочери являются идентичными материнским, дочь не может ощутить ценность материнских инвестиций в отличие от ситуации с мальчиком.

Платонический инцест, или инцест, не реализуемый в сексуальных действиях, – понятие, неразрывно связанное другими важными концептами, такими как «материнское захватничество» и «нарциссические злоупотребления» в отношении ребенка, а также «нарциссическая (психотическая) вселенная» (П.-К. Ракамье).

Остановимся подробнее на каждом понятии. Термин «захватничество», принадлежащий Ф. Кушар, наводит на мысль о рабском отношении со стороны матери. Материнское захватничество распространено и в отношении сыновей, но именно в диаде «мать – дочь» это явление приобретает наиболее жестокие и архаичные формы. Мать становится зеркалом для дочери, а та, в свою очередь, – нарциссической проекцией первой. «В таких случаях наблюдается почти телепатическое, если не бессознательное общение, которое потворствует смешению идентичностей между матерью и дочерью <...> вплоть до ощущения, будто у них одна кожа на двоих, а все различия и границы между ними стерты», – пишет К. Эльячефф в книге «Дочки-матери. Третий лишний», ссылаясь на Ф. Кушар (Эльячефф, 2016, с. 67).

Невозможно говорить об инцестуозности без обращения к концепциям французского психоаналитика Поля-Клода Ракамье. Глубоко изучавший проблему нарциссизма, Ракамье ввел понятия «нарциссического соблазнения» и «нарциссической (психотической) вселенной», ядром которой являются тотально симбиотические отношения с первичным объектом. Нормальное «нарциссическое соблазнение» знаменует собой первичное слияние младенца с матерью, однако если оно не отступает (как правило, в возрасте шести-семи месяцев младенца), отношения в диаде оказываются во власти «нарциссической вселенной». В этой вселенной действует закон слияния, объединения и закреплённости друг на друге, а топливом и защитой для ее «функционирования» призываются психические механизмы: всемогущество, расщепление и отрицание.

В таких симбиотических отношениях между матерью и дочерью особое значение приобретает пронизывающая и окутывающая атмосфера некоего секрета, тайны, того, о чем не говорят вслух, но что будто бы витает в воздухе. П.-К. Ракамье называет это инцестуальное измерение не просто добавлением к психоаналитической теории или неисследованным уголком психопатологии, но отдельным, специфическим регистром с корнями, углубляющимися в семейные секреты, и атмосферой,

которую невозможно передать (*Racamier, 2021*). Однако, как отмечают К. Эльячефф и Н. Эйниш, часто матери и дочери даже необязательно формировать общий секрет, достаточно уже того, что для отца, угрожающего симбиотическому единству матери и дочери, не остается никакого пространства внутри их диады, он оказывается буквально вытесненным за ее пределы. Мать как будто покидает свое место жены в генеалогической паре, и нередко место ее мужа (отца) занимает дочь, и больше никто и ничто не должно нарушить могучее нарциссическое единство.

Роль идентификационных процессов и спутанность идентичностей

Ребенок, будь то девочка или мальчик, становится поверхностью для разного рода проекций, нагруженных многочисленными «теньями прошлого», и родителям приходится вести постоянные переговоры со своими собственными внутренними родительскими объектами и неудовлетворенными инфантильными желаниями и потребностями. Младенец-фантазия пробуждает конфликтность, представленную под видимостью родительской заботы – амбивалентной и конфликтной изначально. Проецируя свой собственный инфантильный нарциссизм, родители неосознанно проецируют также негативные и конфликтные части себя в детстве или части родительских образов, которые конфликтны по отношению друг к другу: «тень Я родителей, проецируемая на ребенка, и тень Я объекта родителей, проецируемая на ребенка» (*Palacio-Espasa, 1988*).

Однако, как отмечает Анник Ле Нестур, ребенок-девочка берет на себя двойную задачу по бессознательным идентификациям в отношениях с матерью (*Le Nestour, 2003*).

1. Идентификация младенца-девочки со своей матерью, со стороны бабушки по материнской линии, согласно позитивным и негативным аспектам маленькой девочки, которой эта мать когда-то была;

2. Идентификация младенца с ее собственным образом младенца-девочки со стороны собственной матери.

Это двойное движение содержит эдипальные тревоги и их реактивно-защитные формирования, но также оно пронизано анаклитической тревогой покинутости с более архаичными механизмами: отрицанием, идеализацией и расщеплением. И тогда эта путаница идентичностей кажется хорошей защитой против анаклитической тревоги – и в первую очередь материнской. Возникает вопрос: кто больше нуждается в этой связи – младенец-дочь или мать? В идиллическом периоде первичного симбиоза со своей дочерью мать обнаруживает свои собственные инфантильные страхи быть покинутой собственной матерью. Анник Ле Нестур в статье «*Quelques réflexions sur les premières relations*» приводит виньетку, в которой молодая мать хотела, чтобы ее собственная новорожденная малышка заботилась о ней так же, как терапевт (*Le Nestour, 2003*). Особенное счастье эта женщина испытывала, находясь в отделении для недоношенных детей, в котором вынуждена была находиться долгое время со своей дочерью, родившейся сильно раньше срока со множеством

осложнений. Эта молодая мать рассказывала на сеансе терапевту о том, как за ними ухаживали нянечки, как они баловали, укрывали, кормили и заботились о ней и ее ребенке, – и эти слова будут звучать так, как будто она сама – недоношенная новорожденная малышка, родившаяся раньше срока, чтобы быть докормленной и догретой во внешнем мире. После выписки и возвращения домой эта женщина окажется захваченной тревогой: ей будет казаться, что ее маленькая дочь не любит ее, отказывается от груди и сна. Этой матери потребуется несколько месяцев, прежде чем она поймет, что сама вызывает у своей дочери нарушения сна, не давая ей спать и без конца предлагая грудь. Анник Ле Нестур отмечает, что часто на сеансах психотерапии от матери можно услышать, что она уже не знает, кто ее дочь и кто она сама. Эта путаница идентичностей является защитным механизмом, направленным на борьбу молодой матери с ее дефицитами и агрессивными чувствами, которыми были насыщены ее отношения с собственной матерью. Как отмечает Анник Ле Нестур, защитная борьба против тревоги покинутости, пробуждающей внутреннюю деструктивность, затем либо мазохистически оборачивается против нее же самой, либо ребенок становится тотально преследующим объектом и, благодаря проективной идентификации, успешно реализует бессознательно возложенную на него роль. Бывает, когда массивная проективная идентификация принимает совершенно паталогические формы, надевая ребенка в бессознательном матери всеми качествами ее собственной матери. «Она хочет поставить меня в неловкое положение, хочет унижить меня, она считает, что я никудышная мать», – так говорит одна женщина про свою маленькую дочь на сеансе психотерапии (*Le Nestour*, 2003, р. 31). Интервенция психотерапевта приводит женщину к ассоциативной связи происходящего в ее диаде с дочерью со своими подавленными детскими чувствами вследствие многочисленных унижений от своей собственной матери. Несмотря на то что эта генеалогическая и идентичностная путаница разыгрывается бессознательно в психическом матери, мы можем себе представить, как эти материнские тревоги и конфликты приводят дочь к нарушению собственной природной идентичности.

Процесс обретения собственной идентичности неразрывно связан с процессом сепарации от матери, который мы рассмотрим в следующем параграфе. П.-К. Ракамье формулирует парадокс идентичности: «Я находит себя в том, что теряет», но ценой за нахождение объекта будет проработка «первичного горя», о котором мы говорили выше. Если же процесс сепарации и проработка «первичного горя» невозможны, ребенок не может покинуть «воды материнского нарциссического соблазнения», соблазненный ребенок остается как будто бы нерожденным, закованным в материнской монаде. Сепарация – индивидуация (Малер, 1983) – залог развития психики субъекта, движения к Эдипу и возникновению кастрационных тревог, необходимых для формирования нормальной агрессии, самости и женской здоровой сексуальности.

Возможности сепарации

Мать:
«Мы спаяны одна с другой
любовью подлинной одной.
Любовью материнской, дитя мое, с тобой.
Мать не отдаст свое дитя.
Она с ним скована навек
И не отпустит никогда.
А коль одна из них уйдет,
Другая тотчас же умрет.
Они обречены на смерть.
И за разлукой – сразу смерть.
Ведь правда ты поймешь меня.
Ведь создана ты для меня,
Произвела тебя на свет я только для себя <...>».
 (Из пьесы «До конца», Томас Бернхард, 1981)

В статье «Défaut de transmission du maternel» С. Фор-Пражьер говорит о том, что определенные трудности сепарации в диаде «мать – дочь» объясняются силой дуальных чувств в отсутствие разделяющей третьей стороны. Обычные механизмы, позволяющие матери и дочери разделиться, дают сбой, и дочь оказывается во власти первичного объекта – исходная инцестуозная связь сохраняется в своем практически первозданном виде. Зависимость субъекта (дочери) возрастает, провоцируя борьбу и враждебность, тщетно пытающуюся оправдать разрыв, на который надеется субъект. Но чем более он желанен, тем более невозможен (Faure-Pragier, 2003).

Ребенок – первый в этой диаде, кто реализует инициативу к разделению с матерью, однако мать должна поддержать ее и быть готовой перейти от инвестирования первичного нарциссизма ребенка к инвестированию его движения в сторону от нее. Как пишет Ю. Кристева, мать владеет ключом к свободе своего ребенка (Кристева, 1987). Если же мать не поддерживает инициативу ребенка к разделению с ней, он остается в оковах материнского обладания. В пьесе «До конца», фрагмент которой выведен в эпиграф к данной главе, Т. Бернхард описывает крайне насильственную и перверзную связь матери со своей дочерью, экстремальный материнский захват, возведенный в наивысшую степень.

По мысли К. Скюре, гомосексуальная чувственность в диаде «мать – дочь», приправленная зеркальной агрессивностью, рождает еще большее напряжение в тот момент, когда маленькая девочка поворачивается от матери к отцу (Squires, 2003). Как мы знаем, причинами этого поворота к отцу З. Фрейд считал открытие девочкой кастрации и вызванное этим открытием разочарование в матери. Этот поворот от любимого первичного объекта отмечен меланхолическим движением, даже деструктивностью. Так, К. Скюри задается вопросом: не ведет ли это, помимо враждебности

к матери, спровоцированной эдипальной ситуацией, к бессознательным матереубийственным желанием? (Squires, 2003.)

Сильнейшее желание инцестуозного слияния и единства с матерью сопряжено у дочери с таким же сильным желанием отделиться от нее и с такой же сильной ненавистью, необходимой для этого отделения. «Ненависть, конечно, разделяет, но никогда не насыщается», – пишет К. Эльячефф (Эльячефф, 2008, с. 119) и отмечает, что ненависть, необходимая дочери, чтобы отделиться от матери, становится не только скальпелем, но и прорвой, страстью, которую невозможно удовлетворить (там же).

Как пишет Ю. Кристева, дочери необходимо совершить «матереубийство», это становится жизненной потребностью, непременным условием индивидуации (Кристева, 1987). Самый первый акт этого «матереубийства» выражен в процессе срыгивания – «выблевывании» материнского молока. Срыгивание, свойственное всем младенцам, буквально выблевывание матери, устанавливает первую границу между младенцем и первичным объектом. Кристева уточняет, что «матереубийство», знаменующее собой разделение, становится более трудной задачей именно для девочки. «Для женщины <...> такое обращение влечения к матереубийству на смертоносную материнскую фигуру оказывается более сложным, если вообще возможным. В самом деле, как может Она быть этой охочей до крови Эринией, если я есть Она (в сексуальном смысле и нарциссическом), а Она есть я?» (Кристева, 2012, с. 120). Кристева будто говорит о том, что отделение от матери становится невозможным, так как оно означает потерю той части себя, которая была интроецирована как материнский объект. И здесь мы приходим к размышлениям о меланхолическом компоненте, как будто изначально свойственном связи мать – дочь. Реакция на потерю любимого объекта, отстранение от матери к отцу приводит дочь к интроекции материнского имаго. Ю. Кристева отмечает, что сама по себе скорбь не патология, однако, смешанная с ненавистью, она может стать меланхолией.

Выражение ненависти к матери, необходимой для разделения, кажется совершенно невозможным, потому как вследствие интроекции материнского объекта на место агрессивных влечений («матереубийства») заступает меланхолическое умерщвление Я: чтобы защитить мамочку, я убиваю себя. Чрезвычайно поэтично Ю. Кристева пишет о том, что ненависть, направленная на мать, не уходит вовне, но запирается в ней самой (дочери). Она отмечает, что ненависти тут и нет, есть только взрывное настроение, которое замуровывается внутри и убивает, поджаривает на медленном огне, постоянно жжет кислотой и печалью. Однако нет никакой надежды на выход из этого меланхолического пути, ведь надежда на обретение... никого восполнится лишь смертью, в которой она получит свое завершение (Кристева, 1987).

«Скальпель ненависти» к первичному объекту необходим для того, чтобы суметь от него отделиться, однако это становится возможным, только если потерянный объект обнаружится в реальности. З. Фрейд говорит, что мать и материнская грудь должны быть потеряны ребенком как

представление о его собственной части и рождены им как отдельный объект. Когда это происходит, субъективный опыт ребенка уступает место объективной реальности, а принцип удовольствия, которым руководствовался ребенок до этого момента, переходит в принцип реальности. И тогда первичная инцестуозная связь с матерью сохраняется в виде мнестических следов, вытесненных в бессознательное. Таким образом, запрет инцеста побуждает девочку вытеснять телесные удовольствия, связанные с уходом за ее телом и гениталиями со стороны матери. Однако, несмотря на необходимое вытеснение, в жизни каждой девушки и женщины всегда будут существовать моменты, когда ее связь с матерью будет реактуализироваться, возрождая в бессознательном идентификационные тревоги и страхи. Эти жизненные этапы М. Курню-Жанэн называет «инцестуозной зоной» (2017). Эти тревоги проявляют себя уже во время эдипальных конфликтов, когда наряду с ними актуализируется доэдипальный – архаический – период, а также во время появления первой менструации, вступления в брак и особенно в период беременности, которая делает окно в бессознательное будто бы менее проницательным, возвращая женщине все старые нарциссические раны, травмы, утраты и трансгенерационное наследие, ставшее отныне доступным благодаря возвращению вытесненного. Далее «инцестуозные зоны» проявляют себя в период старения самой матери, когда нередко происходит инверсия ролей и мать становится дочерью собственной дочери, и, наконец, в период старения самой женщины. М. Курню-Жанэн отмечает, что все эти этапы в жизни женщины, в которых бессознательно воспроизводится запрет на инцест, актуализируют в психическом женщины амбивалентные чувства ненависти и вины за эту ненависть. Подытожить фундаментальное значение инцестуозной связи матери и дочери хочется словами А. Грина о том, что связь между матерью и дочерью не прерывается никогда. Дочь может вырасти, выйти замуж, переехать на другой край земли, но в ее памяти инцест не знает границ (Грин, 2007). И конечная точка – смерть женщины-дочери – как бы символически возвращает ее снова в материнскую утробу: круг замкнулся. Тот, кто дает жизнь, представляет и ее противоположность, то есть смерть.

Роль и влияние *третьего* в диаде «мать – дочь»

Роль отца, разделяющего третьего, неоспорима и колоссальна в симбиотическом аспекте взаимоотношений матери и дочери. Если место отца пусто в психическом матери, все ее либидо, выраженное как влечениями жизни, так и влечениями смерти, направляется на дочь. Однако, как отмечает С. Фон-Пражье, не присутствие пениса вызывает у дочери отделение от кастрированной матери, а любовь матери к третьему лицу, обычно к отцу (Фон-Пражье, 2003).

Ранний период материнской озабоченности в жизни младенца, согласно Д. Винникотту, – это период, когда мать и младенец удаляются от внешнего мира и вступают в блаженный симбиотический союз, который Д. Винникотт описывает как своего рода болезнь, от которой матерям

приходится рано или поздно выздоравливать (Винникотт, 1956). Однако что происходит, если отец оказывается не способен разделить мать и ее младенца, если мать настолько не способна инвестировать отца своего ребенка, что он оказывается буквально выдавлен из диады с дочерью? Ж. Спикер отмечает, что знакомство со своим отцом для девочки означает прежде всего знакомство с тем отцом, каким его представляет себе мать (Спикер, 2012). Иными словами, образ отца в психическом матери передается и младенцу, и через этот образ он начинает внутри себя фантазировать о родительской паре – с этого момента начинается процесс терциальности. Отец уверенно заявляет о своем желании, однако его можно назвать любовником только потому, что у матери существует эротическое желание, направленное на него. Именно из-за того, что мать желает кого-то и сама является для другого объектом желания, благодаря цензуре любовницы она может помочь ребенку создать преформу репрезентации некоего третьего объекта, *другого* – того, к кому она испытывает желание и о котором можно галлюцинировать. В таком случае ребенок может фантазировать о том, что те ощущения, которые он испытывает в отсутствие матери и которые он переживает как покинутость, происходят не из-за того, что он является плохим объектом, объектом страха, ненависти или отвращения матери, а потому, что существует еще один объект желания матери (Шаффер, 2016). Эти фантазии – прообраз первичной триангуляции. Таким образом, функция отца состоит в том, чтобы сдерживать и усмирять материнское безумие, которое в отсутствие отца направляется на ребенка и затапливает его. Символическая отцовская функция позволяет ему отделить ребенка от матери и открыть ему таким образом доступ в социальный мир. Однако если этого не происходит, диада «мать – дочь» остается неразделенной, сращенной воедино, нарциссическое соблазнение продолжается. Любопытно, что мнение психоаналитиков относительно будущего места отца в триаде в большинстве своем сводится к прерогативе матери. Будто бы воля матери оказывается главенствующей не только в том, чтобы поддержать импульс младенца в первом стремлении к отделению, но также и в том, чтобы допустить разделяющую функцию отца. Это подтверждают слова К. Эльячефф и Н. Эйниш, которые, ссылаясь на К. Оливье в своей книге «Дочки-матери. Третий лишний», отмечают грустную связь плачевной ситуации с отцовством и женщиной, которая просто не дает ему права быть таким же отцом, какой она является матерью (Эльячефф, 2016, с. 66). Таким образом, женщина становится полноправной и тотальной владычицей и распорядительницей не только физических, но и психических движений внутри триады: мать, отец, младенец.

Ж. Шаффер также отмечает, что выстраивание женского начинается для девочки тогда, когда ночи матери наполняются сексуальностью и сама она начинает развивать новый вид цензуры – цензуру любовницы. Уложив ребенка спать, мать поворачивается к объекту своего желания, к отцу ребенка, к *третьему* – именно в этот период происходит, согласно концепции П.-К. Ракамье, переход от фантазма взаимного созидания к фантазмам первичной триангуляции и впоследствии к Эдипу. С этого момента

эрогенность полового органа девочки «замолкает» – находясь под воздействием «первичного вытеснения вагины» (Шаффер, 2016), это молчание будет защищать девочку не столько от желания отца, сколько от инцестуозного влияния материнского наслаждения и первосцены. Таким образом, благодаря «первичному вытеснению вагины» все тело девочки становится вместилищем диффузных эрогенных зон, пока будущий любовник не разбудит ее, открыв девочке-женщине ее способность к наслаждению. Однако мать должна передать девочке способность инвестировать это ожидание в виде бессознательного послания о том, что наступит день и ее принц явится (Шаффер, 2021). Таким образом, вместе с этим посланием мать как бы передает дочери символическое разрешение на отделение, «проходной билет» в будущую взрослую сексуальную жизнь.

Но что если в психическом матери нет третьего, который разделит бы мать и дочь? При отсутствии объекта материнского желания не образуется также и пространства для формирования психики младенца, той самой «комнаты воображения» (термин Бриттона), в которой, согласно фантазму о первосцене, происходит соединение – тел, психик, а значит, и мысли. «Ребенок ночи» – это тот ребенок, который был чрезмерно инвестирован материнским либидо. Его тело и его Я становятся заменителем отца как объекта материнского желания. Мы можем говорить о преисполненности такого ребенка примитивными страхами дезинтеграции и потери идентичности, а также желанием еще большего слияния с матерью. В силу одинакового пола и иденциональных особенностей младенец-дочь еще больше подвержена риску стать объектом материнской потребности и разворачивания инцестуозных отношений в паре с матерью.

В статье «Женское чувство вины» Ж. Жасге-Смиржель пишет о необходимости для девочки идеализировать своего отца, чтобы иметь возможность отделиться от всемогущей фаллической матери. Если же поддержки и инвестирования со стороны отца недостаточно либо если отца нет или его образ стерт, процесс идеализации невозможен, а значит, невозможно создание эдиповой ситуации. В этом случае отец не становится носителем отцовских функций, он «играет роль заместителя матери, носителя анального разрушающего фаллоса» (Жасге-Смиржель, 1964). И тогда девочка, не сумевшая переработать страх внедрения в страх пенетрации, может испытывать трудности в своей взрослой сексуальной жизни, связанные со страхом проникновения в нее материнского фаллоса.

Бесплодие, трудности с деторождением – частое следствие чрезмерно амбивалентных отношений между матерью и дочерью, дуальность которых усилена отсутствием разделяющего отца. Как пишет С. Фон-Пражье, тогда у женщины нередко появляется желание иметь ребенка как выход, который позволил бы ей освободиться от матери, породив свое собственное потомство. Одна из пациенток С. Фон-Пражье сказала ей однажды, что нужно быть матерью, чтобы быть женщиной, подтверждая тем самым гипотезу необходимого для женщины защитного чередования катексиса между материнским и женским. При недостатке третичности в

отсутствие инвестированного образа отца чрезмерная материнская близость занимает репрезентативное пространство, которое необходимо для зачатия – и беременность либо не наступает, либо заканчивается выкидышем.

Влияние нарциссических отношений в диаде «мать – дочь» на идентичность женщины

«Исключение отца, ведущее к инцесту, – не единственная характеристика путаницы между матерью и дочерью. Даже если девушка дойдет до треугольных отношений, ей все равно может быть трудно стать женщиной», – считает К. Скюри (*Squires*, 2003, p. 131).

Как девочка становится женщиной? Согласно психоаналитической концепции, мальчику легче стать мужчиной: достаточно просто отказаться от любви к матери. Девочка же должна проделать двойную задачу: сначала она идентифицируется с матерью по принципу первичной идентификации (быть как мать), затем она отворачивается от матери, обращаясь к отцу, назначая его в качестве своего идеала Эго и либидинозного объекта, и после она проделывает путь вторичной идентификации с матерью, выбирая уже путь не быть как мать, а иметь те качества, которые имеет мать. Однако, если доэдипальный период девочки был окрашен сильной амбивалентностью в отношениях с матерью, если мать чрезмерно нарциссически инвестировала свою дочь, девочка рискует остаться идентифицированной с матерью по принципу первичной идентификации – и тогда в бессознательном мать навсегда остается для нее главным объектом даже при наличии мужа и собственных детей. Чрезмерное нарциссическое соблазнение со стороны матери приводит к запрету на развитие и отделение дочери, барьеру для эдипова комплекса, делает невозможными развитие собственной идентичности и приобретение взрослой сексуальности.

Мы можем поразмышлять, как в этом случае будет строиться идентичность девочки и женщины, если она осталась заложницей материнских нарциссических пут.

Ранее мы уже обращались к концепциям Ракамье, но не упоминали его неологизм «жизни в нежизни», олицетворяющий психическое «нерождение» нарциссически соблазненного ребенка. Вспоминается цитата Д. Винникотта: «Смерть» в психическом измерении выражается в невозможности дочери-заложницы развивать свою аутентичность, «истинную самость» (Винникотт, 1960). Вся ее самость – в залоге у матери, и тогда, будучи захваченной в «материнский плен», дочери, как правило, остается лишь два пути для самоидентификации: быть полностью похожей на мать или быть полностью противоположной. И в том, и в другом случае существует риск выстроить то, что Д. Винникотт называет «ложной самостью».

Швейцарский психоаналитик А. Миллер раскрывает суть нарциссических злоупотреблений, являющихся одной из форм материнского захвата. Она подтверждает большую деструктивность этих злоупотреблений именно в материнско-дочерних отношениях из-за принадлежности к

одному и тому же полу, усугубляющей массивные нарциссические проекции на дочь, которая воспринимается матерью как ее продолжение (Миллер, 1978). В случае нарциссических злоупотреблений дарования ребенка используются матерью не ради его собственного счастья и развития, а для удовлетворения потребности в признании и нарциссизма самой матери – и в этом А. Миллер видит настоящую драму жизни, которая приводит к потере и спутанности собственного Я ребенка – его драматичном растворении в Я материнского имаго.

Кажется важным рассмотреть аспект Женского и эротического – эти психические процессы «замораживаются» в условиях нарциссического захвата дочери собственной матерью. Ж. Шаффер говорит, что девочка может стать женщиной, только восстав против женского и материнского своей матери. Девочке необходимо на определенных стадиях либидинального развития превратиться в антагониста и соперницу своей матери в отношении ее женского материнского и женского эротического (Шаффер, 2021). Девочка может стать женщиной, только отделившись от матери и признав собственное автономное женское и сексуальное. Отделиться от матери, потерять ее – значит начать думать о ней как о женщине, и это происходит в период поворачивания девочки к отцу. Таким образом, главная задача девочки – выйти из захвата доэдипальной матери, опираясь на фаллические защиты и используя свою зависть к пенису. Но если этого не происходит, тиранический материнский объект – фаллическая архаичная мать – так и останется главным действующим лицом на внутренней сцене дочери. Ребенок-девочка не сможет выполнить работу по смене объекта – материнского на отцовский, и после вновь повернуться к матери, завершая эдипов конфликт вторичной идентификацией с ней.

Период Эдипа также связан с пассивацией. По словам Ж. Шаффер, спецификой женского эдипова комплекса является поворот с активности в активную пассивность, то есть развитие женского мазохизма. Именно благодаря ему все процессы, связанные с эротическими фантазмами девочки и ее сексуальными желаниями, должны будут подождать до того момента, пока не будут разбужены ее собственным эротическим партнером (Шаффер, 2021). Женский эрогенный мазохизм связан также со способностью женщины открываться и отдаваться во власть другого сексуального объекта и большого количества либидинального возбуждения. Как говорит Ж. Шаффер, истинная цель эрогенного мазохизма – наслаждение. И благодаря ему же мужчина побеждает женщину, а она оказывается побежденной. Недостаток эрогенного мазохизма происходит из недостатка материнских инвестиций своей дочери и приводит к путанице между потерей объекта и всецелой нарциссической потерей. Таким образом, любая нарциссическая потеря отсылает женщину к травматичному открытию разницы полов и открытию отсутствия у нее пениса. Женщина стремится справиться с этой потерей с помощью фаллических защит – и это мы часто можем наблюдать среди социально успешных женщин, достигших внушительных профессиональных успехов, но ощущающих большую психическую пустоту и страдание. Фаллическое инвестирует видимое и внешнее, мазохизм инвестирует внутреннее и интериоризированное.

Итак, согласно З. Фрейду, у девочки нет кастрационной тревоги, так как ее кастрация уже случилась, однако у нее есть кастрационный комплекс в виде зависти к пенису. И, как мы только что выяснили, этот комплекс обнаруживается каждый раз, когда девочка-женщина сталкивается с нарциссической угрозой. Точно так же, как фаллические притязания становятся защитой против кастрационной тревоги, любые внешние достижения становятся эквивалентом пениса. Женщина, чей нарциссизм основывается на фаллических ценностях, как правило, очень успешна в области профессиональных достижений, ее женственность и способность к пассивации заменены агрессивностью и обилием анальных защит.

Однако возможна и обратная ситуация. Ж. Шассге-Смиржель пишет о торможениях в умственной, профессиональной, творческой деятельности, в которой любой успех может приобретать бессознательный смысл фаллических завоеваний. И тогда, как отмечает Ж. Шассге-Смиржель, эдипово чувство вины женщины, связанное с превосходством над матерью, дублируется чувством вины перед отцом (Шассге-Смиржель, 1964). Достижения в профессиональной деятельности в бессознательном эквивалентны владению пенисом, и тогда те женщины, которые испытывают специфическое женское чувство вины, могут иметь тенденции к самокастрации, лишая себя возможности добиваться успеха. Интересно, что бессознательное владение пенисом означает для женщины, что она лишает этого пениса отца мать, а также то, что она кастрирует своего отца. Мы можем также рассматривать творческий процесс в контексте фантазма о первосцене, а творческий продукт как результат полового акта родительской пары. В книге «Тысячеликий Эрос» Дж. Макдугалл также связывает торможения в творческой деятельности с догенитальными отношениями субъекта со своими первичными объектами. «Пожалуй, нет такого творческого акта, который не переживался бы бессознательно как акт насилия и греха», — пишет она и связывает этот акт и продукцию собственного творческого «отпрыска» субъекта с кражей детородных органов родителей и использованием догенитальной сексуальности во имя собственных либидинозных, садистских и нарциссических целей (Дж. Макдугалл, 1999, с. 81). Разрешением для этого эдипального конфликта может стать интеграция бессознательных агрессивных импульсов к отцу (фактически деидеализация), менее амбивалентное отношение к матери, позволяющее девочке идентифицироваться не со всемогущей садистичной фаллической матерью, а с реальной.

В завершение этой главы хочется отметить трудности, с которыми неизбежно придется столкнуться женщине, чьи первичные отношения с матерью строились по принципу симбиотической нарциссической связи, были наполнены амбивалентными чувствами. Для женщины с тоталитарным материнским имаго навсегда сохранится риск либо воспроизводить в своей взрослой жизни сплавленную в единое целое, сращенную в неделимое диаду, наполненную мучительными чувствами зависимости и ненависти. Либо, напротив, маниакально не допускать близости, так как для нее близость будет означать внедрение и захват. Дочь, находящаяся в симбиотической связи со своей матерью, неизбежно наполнена

материнскими проекциями, не имеет ничего своего. Соответственно, она не может строить свою собственную жизнь, пока не разделится с матерью, не освободится от этих проекций. В некоторых случаях такое разделение приводит впоследствии к заболеванию матери и даже смерти. Этот исход снова подтверждает размышления о том, что при мощных симбиотических отношениях сепарация будет эквивалентна буквально смерти объекта. Кроме того, женщина с симбиотической проблематикой с первичным объектом может испытывать трудности с зачатием и вынашиванием ребенка. В предыдущей главе мы немного касались взаимосвязи недостатка третичности в отсутствие третьего – отца – и невозможности формирования репрезентативного пространства, необходимого женщине для зачатия новой жизни. Однако С. Фон-Пражье говорит также об образе архаичной матери, который неизбежно будет проецироваться женщиной на будущего ребенка. В отсутствие триангулярности в собственной инфантильной ситуации ребенок становится для женщины единственным мыслимым третьим, однако в то же время он не может быть зачат без того, чтобы эта перспектива не воспроизвела тревогу разрушения, которая реализует себя в буквальном «разрушении» беременности либо вообще невозможности зачатия. И мы снова возвращаемся к размышлениям о всемогущей архаичной матери, которая становится в бессознательных фантазиях женщины единственной, кому позволено зачать и выносить ребенка. Их бесплодные дочери снова оказываются маленькими завистливыми и беспомощными девочками, которыми были когда-то.

Заключение

Итак, в данной статье нами была предпринята попытка рассмотреть основные компоненты нарциссических, а потому окрашенных деструктивными чувствами взаимоотношений в диаде «мать – дочь». Мы постарались охватить наиболее значимые бессознательные аспекты, влияющие на формирование таких взаимоотношений, а также сконцентрировались на их последствиях для самости взрослой дочери, ее женской идентичности, а также профессиональной самореализации.

В разделе **«Роль доэдипального периода младенца-девочки и его влияние на будущие отношения с матерью»** мы рассмотрели значение бессознательных страхов и фантазмов матери, а также место мощнейших идентификационных процессов, включающих не только отношения матери с дочерью, но также ее отношения со своей собственной матерью в ранний период жизни.

Тема деструктивности в отношениях матери и дочери неизбежно затрагивает аспекты инцестуозности как подтверждение симбиотической проблематики и ненависти субъекта в ответ на переживание своей зависимости от объекта. Поэтому аспекту инцестуозности в диаде «мать – дочь» мы уделили отдельное внимание в одноименной части **«Аспект инцестуозности в диаде "мать – дочь"»**.

В разделе **«Роль идентификационных процессов и спутанность идентичностей»** была предпринята попытка описать психодинамический аспект взаимодействия матери и дочери в разрезе сложных идентификационных процессов, наделяющих эту пару. Мы обратились к размышлениям и виньеткам французских психоаналитиков, иллюстрирующим трудности обретения ребенком-девочкой собственной идентичности. Этот процесс неразрывно связан с сепарацией от первичного объекта, которая изначально более затруднена в связи с отсутствием половых различий – эти трудности были подробно описаны в параграфе **«Возможности сепарации»**. Важной частью этого раздела стали размышления о трудностях сепарации с плохим объектом: отношения, окрашенные ненавистью, становятся неразрывными, и сепарация в них бессознательно воспринимается как угроза целостности как субъекта, так и объекта.

Раздел **«Роль и влияние третьего в диаде "мать – дочь"»** очень важен для понимания причин и предпосылок развития симбиотических и деструктивных взаимоотношений матери и дочери. В «нарциссической материнской вселенной» отец часто оказывается физически или психически исключенным из диады «мать – дочь», не инвестированным матерью как объект желания. Это приводит к недостатку третичности в психическом дочери, что в свою очередь влияет на ее зрелую сексуальность и идентичность как женщины и будущей матери.

Наконец, статья завершилась разделом о **влиянии нарциссических отношений в «диаде – мать» дочь на идентичность женщины**, в которой мы постарались упомянуть наиболее важные последствия нарциссических отношений матери и дочери, окрашенных сильными деструктивными чувствами последней и потому тотально затрудняющих сепарацию и автономную психическую жизнь.

В завершение кажется важным еще раз остановиться на состоянии противоречивости и некой тенистости, покрывающей тему материнско-дочерних отношений. В современном обществе довольно распространены тенденции, поощряющие чрезмерно близкие отношения между матерью и дочерью, тенденции, которые между тем способствуют сокрытию обратной стороны этой близости – нарциссического и идентификационного злоупотребления со стороны матери. Деструктивность, выражаемую видимым экстремальным способом, заметить легче, чем ту деструктивность, которая скрыта под личиной материнской любви и заботы, однако обе формы подобной «материнской любви» несут в себе паталогическое воздействие для психического мира младенца-девочки, девушки и будущей женщины. Нередко дочь становится заложницей не только своей матери, но и общества в целом, зачастую замалчивающего эту проблематику.

Мы надеемся, что различные формы патологии материнской любви и деструктивного взаимодействия в диаде «мать – дочь» привлекут большее внимание со стороны психоаналитиков как с точки зрения научного интереса, так и с позиции общественно-социального явления, обладающего своими особенностями и «слепыми пятнами».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андре Ж.* 100 популярных концептов психоанализа.
2. *Винникотт Д.* Игра и реальность. (Серия «Теория и практика психоанализа»). М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002.
3. *Грин А.* Отношение «мать – дитя», несомненно, инцестуозное // Ж. Андре, А. Бир и др. Инцесты. М.: Когито-Центр, 2017.
4. *Кристева Ю.* Черное солнце меланхолии. М.: Когито-Центр, 2012.
5. *Курню-Жанэн М.* Формы инцеста. История и предыстория // Ж. Андре, А. Бир и др. Инцесты. М.: Когито-Центр, 2017.
6. *Лебовичи С.* Во взрослом – младенец. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008.
7. *МакДугалл Д.* Тысячеликий Эрос. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1999.
8. *Миллер А.* Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я. М.: Академический проект, 2006.
9. *Наури А.* Инцест, не переходящий в действие: взаимосвязь матери и ребенка // Ф. Эритье, Б. Цирюльник и др. Инцест или кровосмешение. М.: Кстати, 1999.
10. *Пайнз Д.* Бессознательное использование своего тела женщиной. М.: Корвет, 2016.
11. *Спикер Ж.* «Образ отца». Источник: Психоанализ: от теории к практике.
12. *Фрейд З.* О женской сексуальности // Сексуальная жизнь. Т. 5. М.: Фирма «СТД», 2006.
13. *Фрейд З.* Лекция 33. Женственность // Введение в психоанализ. (Часть 4, лекции 29–35). М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.
14. *Шассге-Смиржель Ж.* Женское чувство вины. О некоторых специфических характеристиках эдипова комплекса // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. СПб.: Питер, 2005.
15. *Шаффер Ж.* Женское: один вопрос для обоих полов / Пер. А. И. Коротецкой. [Электронный ресурс] URL:<https://psychic.ru/articles/modern/modern05.htm> (дата обращения 10.03.2022).
16. *Шаффер Ж.* От не-отца первобытного племени к отцу-любовнику и эдипальному отцу // Журнал клинического и прикладного психоанализа, № 1.
17. *Шаффер Ж.* Женское: один вопрос для обоих полов. НИУ ВШЭ, 2021.
18. *Эльячефф К., Эйниш Н.* Дочки-матери. Третий лишней? М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016.
19. *André J.* (2003). L'Empire du même. Mère et fille: la menace de l'identique. P. 11–22.
20. *Balestriere L.* (2003). Entre mère et fille: hystérie ou mélancolie? Mère et fille: la menace de l'identique. P. 77–94.
21. *Cyssau C.* (2004). Les dépressions de la vie. Presses Universitaires de France. P. 232.
22. *Faure-Pragier S.* (2003). Défaut de transmission du maternel. Absence de fantasme, absence de conception. Mère et fille: la menace de l'identique. P. 53–57.

23. *Le Nestour A.* (2003). Quelques réflexions sur la relation précoces entre mère et bébé fille. *Mère et fille: la menace de l'identique*. P. 23–51.
24. *Palacio-Espasa F.* (1988). Considérations sur lenarcissisme à la lumière de l'agressivité et de la destructivité de la vie psychique. P. 41–42.
25. *Racamier P.-C.* (2021). *L'inceste et l'incestuel*. Dunod. P. 192.
26. *Squires C.* (2003). Et si c'est une fille? *Mère et fille: la menace de l'identique*. P. 119–140.

Hatred in the mother-daughter dyad

E. S. Zelinskaia

Zelinskaia Evgeniia S., psychologist (HSE), psychoanalytically oriented psychotherapist.

It is known that from the point of view of psychoanalysis, the maternal function plays a dominant role in the formation of the mental foundation and the development of the whole mental life of a person. However, as it seems to us, it is in the mother-daughter pair that maternal function acquires its peculiar features distinguishing mother-daughter dyad from other genealogical pairs. The reason for this lies not only in the single gender of mother and daughter, but also in the very physiological aspect of carrying and giving birth, unconscious projective and identity conflicts, narcissistic abuses by the mother, and the difficulties associated with the process of separating the daughter and her acquisition of her own identity. K. Eliacheff speaks of a daughter's «oppressed sense of self» (Eliacheff, 2008) simply because she has a mother, thereby bringing the identity issue to the fore, but immediately notes that not much attention is paid to this very issue even in the psychoanalytic space. Daughters are indeed in a more vulnerable position than sons in relation to both mother and father – despite the same sex the father-son dyad is initially divided by the mother's body, and only «the mother is the only one of the three sides of the Oedipus triangle who has a carnal connection with both the child's father and the child» (Green, 2007).

Speaking of the relevance of the topic of this article, it is also worth mentioning socio-cultural factors. In today's society, one can observe how a special form of intimacy between mother and daughter becomes the ideal of the mother-daughter relationship. «Mom is my best friend», «I have no secrets from my mother» – such words can often be heard from young women for whom closeness with their mother is an expression of their joint personal achievement, a point of pride. Joint shopping, vacations and photo shoots, often of an explicit nature, are not only normal but also possible, but the flip side of this mother-

daughter intimacy is seemingly overlooked: the blurring of generational boundaries and the incestuous aspect of the relationship. Society pays a lot of attention to the incestuous relationship between father and daughter, as well as the rarer, but still present, cases of incest between mother and son, but almost no one talks about the incestuous relationship between mother and daughter. At the same time, it is this genetic couple that is more susceptible to «platonic incest» (Naury, 1999), a less obvious but probably no less pernicious form of incest between parent and child. The role of the third father, whose presence is necessary for an adequate mother-child relationship of either sex, also changes, but it is the mother-daughter pair that is more susceptible to identity confusion in the absence of a separating third. Moral and socio-cultural changes in society, the weakening of the institution of marriage, progress in reproductive technology lead to the fact that women often not only raise children alone, but also conceive them without having sexual relations at all (for example, through IVF). All of this gives rise to thoughts about maternal parthenogenetic fantasies and maternal omnipotence, which in the mother-daughter dyad acquires the most archaic and destructive forms.

Not every woman becomes a mother, but every woman has or had a mother. What kind of mother she was, and what kind of relationship she had with her, affects the whole future life and identity of a woman, exposing massive unconscious processes related to incestuous, identity-based, separational problems, which often complicate a woman's path to finding her own identity, motherhood, adult sexuality.

This article attempts to understand the mother-daughter relationship from the perspective of the above-mentioned conflicts in conjunction with the feelings of hatred that inevitably accompany them.

Keywords: ambivalence, feminine, identity, development of a woman, mother and daughter, separation, incest, Racamier, motherhood, female sexuality, Shaffer, envy, hatred, ambivalence conflict, symbiosis, narcissistic seduction, narcissistic object, fetish, splitting, denial, omnipotence, female pleasure, primaryambivalence, feminine, identity.